

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН

4-Я И 5-Я ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ «РЕЙН»

Исток непонятного светел и чист. Но и
Воспетый, ты вряд ли раскроешь секрет,
Каким начался, таким тебе и остаться.
Сколь ни бесчинствуй нужда
И воспитание, всё же
Основа дана от рожденья,
И этот сияющий луч, который
Встречает новорождённых.
Но где же он, кто,
Чтобы свободным прожить
Всю свою жизнь, чтобы так
Воплотилась мечта, истечь
С благодатных высот, словно Рейн,
Из освящённого лона
Родиться счастливым, как он?

Поэтому речь его – ликование.
Нет, он не плачет в пелёнках,
Подобно детям иным.
Там, где кривые его берега к нему с двух сторон
Подползают, змеясь вдоль него и желая,
Да, жажда обуздать его легкомыслие и воспитать,
И охранить его, держа за зубьями скал,
Смеясь, разрывает он их на куски,
Словно змей ребёнок Геракл,
И с добычей бросается в путь.
И если б его в поспешности не укротил
Тот, кто боле велик, и дал ему вздыбиться,
Будто молнии ствол, тогда б раздвоил он Планету.
Словно замороженные, бегут навстречу ему леса
И в пояс клонятся горы.

ПОЛОВИНА ЖИЗНИ

Жёлтыми грушами полный
И зрелым шиповником,
Берег свесился в озеро.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Вы, прелестные лебеди,
пьяные от поцелуев,
Макайте же головы
В святотрезвящую воду.

Горе мне, где же мне взять
Зимой цветы, где –
Солнечное тепло
И прохладную тень?
Холодной стеной стоит
Передо мной безъязыкость. По ветру
Звякает флюгер.

ПАУЛЬ ЦЕЛАН

ФУГА СМЕРТИ ¹

Чёрное молоко рассвета – мы пьём его вечером,
мы пьём его утром и днём, мы пьём его ночью,
мы пьём его, пьём,
мы в воздухе роем могилу, в ней лежится легко.
В доме живёт человек, он играет со змеями, пишет,
когда же темнеет, он пишет в Германию, твои золотые волосы, Маргарита,
он пишет это и выходит из дома, звёзды вспыхивают, он псов подзывает своих,
он свищет евреев своих, заставляет могилу копать в земле,
он приказ отдаёт нам: сыграйте теперь плясовую!

Чёрное молоко рассвета – мы пьём тебя ночью,
мы пьём тебя утром и днём, мы пьём тебя вечером,
пьём тебя, пьём.
В доме живёт человек, он играет со змеями, пишет,
когда же темнеет, он пишет в Германию, твои золотые волосы, Маргарита,
пепельные твои, Суламифь, мы воздушную роем могилу, в ней лежится просторно.

Он погоняет: глубже копайте в пространство земли, такие-сякие, играйте и пойте,
он железку выхватывает из кобуры и машет ею, глаза его голубые,
глубже втыкайте лопату, такие-сякие, сыграйте мне плясовую!

Чёрное молоко рассвета – мы пьём тебя ночью,
мы пьём тебя днём, мы пьём тебя утром и вечером,
пьём тебя, пьём,
в доме живёт человек, твои золотые волосы, Маргарита,
пепельные твои, Суламифь, он играет со змеями.

Он велит: слаще играйте мне смерть, смерть – из Германии мастер,
ведите темнее смычок по скрипкам – и дымом подниметесь в воздух,
могила вам в облаках, не тесно там и легко.

¹ Paul Celan, "Todesfuge". Из: Paul Celan, *Mohn und Gedächtnis*. С любезного разрешения
© 1952 Deutsche Verlags-Anstalt, München in der Verlagsgruppe Random House GmbH

ИЗ НЕМЕЦКИХ ПОЭТОВ

Чёрное молоко рассвета – мы пьём тебя ночью,
мы пьём тебя днём, смерть – из Германии мастер,
мы пьём тебя вечером, утром, мы пьём тебя, пьём,
смерть – из Германии мастер, глаза его голубые,
он встретит тебя свинцовою пулей, его попадание точно,
в доме живёт человек, твои золотые волосы, Маргарита,
он псов натравливает на нас и могилу дарит в пространстве,
он играет со змеями и видит во сне, что смерть – из Германии мастер,

твои золотые волосы, Маргарита,
пепельные твои, Суламифь.

ЦЮРИХ, ЦУМ ШТОРХЕН ²

Нелли Закс

О слишком многом шла речь
и о малом. О Тебе
и Всё-таки-Тебе, о
замутнении светлом,
о еврействе, о
твоём Боге.

О
Нём.
В день Вознесенья, на той стороне
стоял собор и протягивал нам
немного золота через реку.

О твоём Боге шла речь, и я
говорил против Него, я
принудил сердце своё
надеяться
на
высшее Его, на задыхании хриплое,
гневное слово.

Твои глаза смотрели на меня и как бы мимо,
твой рот
говорил им вслед, так что я слышал:
«Мы
не знаем, ты знаешь,
мы
не знаем,
что
верно...»

Париж, 30-е мая 1960 г.

² Paul Celan, "Zürich, zum Storchen". «Цум Шторхен» = Отель «У аистёнка». Из: Paul Celan, *Die Niemandrose*. С любезного разрешения © 1963 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ТЮБИНГЕН, ЯНВАРЬ ³

Глаза, со-
блзненные слепотой.
Их «Исток не-
понятного светел и чист», их
память о
башнях Гёльдерлина, плавающих в воде,
отражённых
криками чаек.

Утонувшие гробовщики являются при
этих
погружающихся словах:

Если бы,
если б пришёл человек,
если б сегодня пришёл в этот мир человек
с бородой из света,
как у патриархов, и если б
он о нашем времени
говорил,
он бы только
лепетал, лепетал,
всё вре-, всё вре-,
мя-мя.

(«Палакш⁴. Палакш!»)

ЯЗЫК ЗА РЕШЁТКОЙ ⁵

Округляется глаз между прутьями.

Веко – дрожащий зверек –
вверх отгребает,
выпускает взгляд.

Радужная, поплавок без иллюзий и мутный.
Небо должно быть близко, серое, словно сердце.

³ Paul Celan, "Tübingen, Jänner". Из: Paul Celan, *Die Niemandrose*. С любезного разрешения © 1963 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main.

⁴ *Примечание переводчика*: "Palaksch" – неологизм оригинала, непере译имое междометие, звукопись. Современники рассказывали, что когда у Гёльдерлина случались видения и приступы во время прогулки, то он в ужасе бежал по Тюбингену, сжимая голову руками и крича: «Палакш! Палакш!». В немецком литературоведении нет согласия в том что этот возглас мог бы значить. Я возвожу слово «палакш» к индогерманскому корню п-л-х. Сравните палакш с сегодняшними полыхать, плаха, плашмя, пламя, полымя). Вспомните также Яна Палаха, сжегшего себя в августе 1968 на площади Венцлава в Праге в знак протеста против советской оккупации Чехословакии.

⁵ Paul Celan, "Sprachgitter". Из: Paul Celan, *Sprachgitter*. С любезного разрешения © 1959 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main.

Косо в железной закрепе
коптит лучина.
По свечению ока
угадывается душа.

(Если бы я был как ты, ты как я.
Не на одном ли мы
стояли ветру?
Мы чужие.)

Кафель. На нем
тесно друг к другу, обе
серые, как сердца, лужи:
два
рта, полные немоты.

ГЕРТА МЮЛЛЕР

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ⁶

1.

Прощание, как яблоко, кругло,
катиться начинает незаметно.
И масок карнавальное мурло
свои
манатки сматывает спешно,
поскольку хочет жить.

2.

В конверте из перьев живёт петух,
в конверте из листьев кленовых – аллея,
а заячья душа – в конверте меховом,
в конверте слёз спит озеро.

Жилище на углу – конверт особый:
наряд милиции столкнул с его балкона
кого-то над бузиновым кустом⁷.
Потом это опять назвали

⁶ С любезного разрешения Герты Мюллер. © Herta Müller.

⁷ *Примечание переводчика:* Имя одного из величайших немецких поэтов Гёльдерлин (Friedrich Hölderlin, XVIII–XIX вв.) можно было бы перевести на русский язык как “Бузинников”. Его судьба примечательна тем, что он сумел сохранить себя как поэта, несмотря на тяжёлый политический, социальный и психический конфликт с обществом и культурой своего времени. В двадцатом веке в немецкоязычной литературе установилась традиция понимать образы бузины, бузинового куста, бузиновой наливки и т. д. как символы поэтической судьбы и бескомпромиссной преданности Поэзии. Поэтому бузиновый куст под балконом, на котором происходит убийство, – это не просто деталь ландшафта, а свидетельство о том, что убивают поэта.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

самоубийством. Протокол о нём
живёт в бумажной крепости-конверте,
а дама некая живёт
в конверте из волос, завязанных узлом.

3.

И правитель поклонится нам слегка.
Ночь приходит обычно пешком.
Два неоновых башмака с крыши фабрики обувной
отражаются в чёрной реке, перевёрнуты вверх каблуком.
И неоново-бледный башмак выбивает нам зубы
вверх каблуком, а другой отражённый башмак
превратил наши рёбра в форшмак.
Утром гаснут неоновые башмаки,
слово «яблоко» – деревянное, словно гроб,
листья клёна краснеют влёт.
С неба сыплются звёзды, сладкая воздушная кукуруза,
а правитель поклонится и уйдёт.

Перевёл с немецкого ©Борис Шапиро